

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-52-71

ЛИНГВИСТИКА ЦВЕТА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ И ПЕРЕВОДУ ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА¹

Кульпина Валентина Григорьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: vgrkulpina@mail.ru

Аннотация. Актуальность. В статье речь идёт о лингвистике цвета как актуальном общем методе лингвистических исследований цветообозначений и как инструментарию их перевода как слов с цветовым компонентом. Проблемы перевода цветообозначений представлены в статье на фоне базовых теоретических положений лингвистики цвета как области современных лингвистических исследований. Лингвистика цвета характеризуется как активно разрабатываемая область лингвистических исследований с выделившимися направлениями и исследовательскими центрами и сформировавшимся кругом изучаемых проблем. Базовые положения лингвистики цвета анализируются в аспектах лингвистической прагматики как релевантные для практики перевода. Инструментарий лингвистики цвета рассматривается в опоре на лингвистическую колориметрию как собрание частных методик, способствующих пониманию и переводу текстов с цветообозначениями. Пониманию смысла терминов цвета и возможностям их перевода способствует установление их места

¹ Статья написана по докладу на юбилейной X Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Понимание в коммуникации». М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 19–20 мая 2023 г. Организаторы конференции: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Лаборатория исследования проблем инфосоциальных технологий Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, Исследовательский комитет РОС «Социальная коммуникация, социальное участие и интерактивные масс-медиа». МГПУ, ГАУГН.

© Кульпина В.Г., 2023

в лексических системах и языковых картинах мира языков оригинала и перевода.

Результаты. Опыт изучения терминов цвета, обобщённый в лингвистике цвета и реализуемый через инструментарий лингвистической колориметрии, позволяет на основе методик сопоставительного анализа выработать способы перевода данного класса лексики. Результатом представленного в статье исследования является установление проблемных участков в текстах, содержащих термины цвета, описание проблем перевода, составление рекомендаций по устранению проблем и формированию в тексте транслята естественной языковой среды.

Выводы. Решению проблем перевода терминов цвета способствует инструментарий выявления этноцветовых предпочтений, созданный в недрах лингвистики цвета и сконцентрированный в рамках методик лингвистической колориметрии. Лингвистическая колориметрия, сформировавшаяся на основе положений лингвистики цвета, является полезным собранием методик и рекомендаций и действенным инструментом, способствующим практике понимания и перевода образной структуры лексических единиц с цветовыми компонентами.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, перевод, сопоставительный анализ, русский язык, польский язык

Для цитирования: *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3, 2023. С. 52–71. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-52-71

Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 06.11.2023;
принята к публикации 18.11.2023.

LINGUISTICS OF COLOR AS A KEY TO UNDERSTANDING THE FIGURATIVE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT

Valentina G. Kulpina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: vgrkulpina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the linguistics of color as an urgent general method of linguistic research into color and as instruments of translation of texts containing terms of color (words with a color component). The problems of

such translation are presented in the article against the background of theoretic aspects of linguistics of color as a sphere of contemporary linguistic studies. The linguistics of color is represented as a widely elaborated sphere of linguistic knowledge which has its worked-out notable directions, research institutions and a range of investigating problems. The basic concepts of the linguistics of color are analyzed from the perspective of pragmatics and are embodied into the practice of translation. Linguistics of color's critical apparatus is considered on the basis of linguistic colorimetry as a collection of particular methods contributing to understanding and translation of texts with color terms. The comprehension of color terms and possibilities of their translation depend on determining their role in the lexical systems of both the source and target languages and their place in the linguistic worldviews.

Results. The experience of color terms research concentrated in the linguistics of color and embodied in the linguistic colorimetry's critical apparatus creates possibilities (on the basis of linguistic colorimetry methods and methods of contrastive analysis) for working out different ways of translating this lexical class. The results of the research consist in disclosure of complicated moments of texts with terms of color, the describing of translation's problems, the compiling of recommendations as to how to deal with the terms of color and eliminate the translation problems and create a natural linguistic environment in the translated text.

Conclusions. The elimination of translation problems can be reached by using critical apparatus of linguistic colorimetry. This apparatus of disclosure of ethnic color priorities and ethnic color inclinations was created in the linguistics of color and concentrated in the linguistic colorimetry. The linguistic colorimetry based on linguistics of color is a useful collection of methods and recommendations. It is an effective mechanism contributing to the practice of understanding and translation of the figurative structure of lexical units with color components.

Keywords: linguistics of color, term of color, translation, contrastive analyses, the Russian language, the Polish language

For citation: *Kulpina V.G. (2023) Linguistics of color as a key to understanding the figurative structure of a literary text. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal 3. P. 52–71. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-3-52-71*

The article was received on July 16, 2023;
approved after reviewing received on November 11, 2023;
accepted for publication on November 18, 2023.

В статье речь идёт о лингвистике цвета как актуальном общем методе лингвистических исследований цветообозначений и как инструментарию их перевода как слов с цветовым компонентом

(семой цвета). Проблемы перевода терминов цвета представлены в статье на фоне базовых теоретических положений лингвистики цвета как области современных лингвистических исследований. Лингвистика цвета характеризуется как активно разрабатываемая область лингвистических исследований с выделившимися направлениями и исследовательскими центрами и сформировавшимся кругом изучаемых проблем. Базовые положения лингвистики цвета анализируются в аспектах лингвистической прагматики как релевантные для практики перевода. Инструментарий лингвистики цвета рассматривается в опоре на лингвистическую колориметрию как собрание частных методик, способствующих пониманию и переводу текстов, содержащих цветообозначения.

1. Лингвистика цвета и её ключевые понятия как релевантные в плоскости перевода

Лингвистика цвета является областью и общим методом лингвистических исследований. Инструментарий лингвистики цвета опирается на лингвистическую колориметрию как собрание частных методик, способствующих пониманию и переводу текстов с цветолексемами.

Проблемы понимания и перевода цветолексем могут быть рельефно обозначены на фоне базовых положений лингвистики цвета как направления современных лингвистических исследований.

Пониманию смысла терминов цвета и возможностям их перевода способствует установление их места в лексических системах и языковых картинах мира языков оригинала и перевода.

Опыт изучения лингвокультур говорит о том, что цвет, процессы цветообозначения не являются кросскультурным явлением и в каждом языковом ареале характеризуются выраженной спецификой (Wierzbicka, 1999: 405–448).

Цветовая субстанция, будучи вербализована в категориях конкретного языка, становится частью его лексической системы и языковой картины мира, а точнее — лингвоцветовой картины мира. О том, что таковая есть, говорит то, что цветообозначения конкретного языка складываются в определённую лексическую парадигму данного языка, дополняя друг друга.

Хотя цвет не относится к универсалиям, в его языковом устройстве могут быть выделены определённые общеязыковые моменты. В одном из положений лингвистики цвета говорится, что цвет существует лишь в привязке к определённым объектам, которые в свою очередь группируются по тематическим зонам. Отсюда такая

характерная особенность цветовой картины мира, как её зональное устройство, предполагающее тематическое распределение терминов цвета по типам объектов цветообозначения. Это означает, что функционирование терминов цвета протекает в пределах этих зон в виде цветовых оппозиций. Цветовые зоны носят ярко выраженный антропоцентрический характер; это зоны внешности человека, характера человека, сферы чувств, зоны продуктов питания, окружающей природной и социосреды и ряд других (Кульпина, 2001).

Значимости в пределах цветовых зон устанавливаются в силу формировавшейся веками системы оппозиций. Так, к примеру, в русском языке в зоне цветообозначения глаз *карие глаза* составляют оппозицию к *голубым, серым, чёрным* и другим цветовым разновидностям глаз. В зоне цветообозначения волос элементами оппозиций являются *тёмные волосы, светлые, чёрные, каштановые* и др.

Принципиально важно, что значимости устанавливаются и распределяются исключительно в пределах тематических зон. Ведь не имеет какого-то языкового и экстралингвистического смысла объединение в одну группу и установление цветового тождества, к примеру, *синих глаз, синего моря, синих ночей и синей дали*. «Цветовая неидентичность» этих сущностей и невозможность их рассмотрения в пределах одной тематической группы очевидны. Конечно, синие глаза можно сравнить цветом неба и васильков — однако имея при этом в виду, что такое сравнение — это образный комплимент (но не знак принадлежности синих глаз к группе природных реалий или цветов).

2. Проблемы и трудности понимания и перевода цветолексем близкородственных языков

Могло бы показаться, что тексты близкородственных языков понятны (они же близкородственные!) и даже не нуждаются в переводе. Тем не менее, после предполагаемого периода общеславянской общности прошли века, и каждый из славянских языков пошел своим путём, развиваясь внутри себя и для себя. Отсюда понимание терминов цвета близкородственных языков и их перевод не представляются столь однозначными процессами, как это могло бы показаться на первый взгляд. Очертим возможные трудности и проблемы с адекватным пониманием и переводом терминов цвета близкородственного русскому польского языка.

Ни в текстах гуманитарных, ни технических наук понимание цветообозначений и их перевод не являются лёгкой задачей в силу разных причин. Именно в процессах перевода проступают про-

блемы понимания — что именно человек понимает, в какой степени понимает. Без понимания текста переводчиком, как известно, перевод не реализуем. Вместе с тем «перевод, рассматриваемый, оцениваемый, определяемый прежде всего как текст, вторичный в языковом плане, потому что основанный на оригинале, функционирует независимо от этого признака. Именно напряжение между этими двумя признаками определяет его статус как специфического типа коммуниката» (Lewicki, 2017: 350).

Профессиональные возможности и качества переводчика формируются на базе глубокой информированности о единице перевода, что характеризует современный подход к процессу перевода: «Важнейшим оказывается вопрос о построении единой системы знаний для каждой единицы перевода, включающей как привычные структурированные определённым образом данные, содержащиеся в классических для перевода ресурсах (словари, энциклопедии, лингвистические корпуса, общие и корпоративные базы данных и т.п.), так и неструктурированные, поступающие из множества сайтов, социальных сетей, блогов, переводческих форумов, общения с коллегами, корпоративных архивов, документов, средств массовой информации и пр.» (Гарбовский, 2018: 38). При этом множественность данных должна сложиться в некую целостность — в силу системного характера устройства цветообозначения в языке и системной обработки информации в процессах перевода: «Системологическая парадигма науки о переводе строится на основе синтеза множества данных, воспринимаемых как нечто целое» (Гарбовский, 2015: 14).

Термины цвета составляют отдельные единицы перевода. О единицах перевода на материале русского и польского языков написано немало работ. Так, А. Богуславски посвятил этой проблеме раздел своей монографии «Основы конфронтативной переводной лингвистики» (Bogusławski, 2013: 111–128). Однако термины цвета в качестве единиц перевода им и другими польскими исследователями отдельно не рассматривались. В то же время выделение таких представляется актуальной проблемой в свете несомненной специфики семантической структуры этого лексического класса и транслятологических возможностей. Нашим стремлением было формирование лингвистического и экстралингвистического пласта информации о каждой такой единице на основе разнообразных источников — системно-лексикографических, текстовых и корпусных данных, с привлечением ряда других с целью перехода от теоретических положений лингвистики цвета к практике их перевода.

Занимаясь переводом цветообозначений какого-либо конкретного языка, необходимо осознавать, что таковые неодинаково, по-разному важны для носителей данного языка. Определённым языкам и культурам присущи какие-то характерные предпочтения в сфере цвета. А эти предпочтения в свою очередь могут сказываться на возможностях понимания иноязычного текста. Цвета вербализуются данным языком, живут в мироощущениях языковой личности. Этноцветовые приоритеты народа, говорящего на данном языке — это реальность (Кульпина, 2019) — они часть культуры, особого мировидения народа. Выступая в определённой концентрации, они могут вызывать ощущение диссонанса, непонимания и неуместности у носителей другого языка, они трудны для перевода и требуют особого внимания переводчика.

3. Цветовые предпочтения и их проявления в языке и культуре

За цветовыми предпочтениями в лингвистике цвета закрепилось название *этноприоритетных цветов*. При этом самый любимый цвет данного народа получил название *этноцвет*. Среди проявлений цветовых предпочтений прежде всего следует назвать повышенную употребительность в польскоязычном ареале (с точки зрения носителя русского языка) *термина зелёного цвета* (польского этноцвета). Эта особенность польской цветовой картины мира с достаточной рельефностью проявилась в творчестве польского поэта Константы Галчиньского. Так, придуманный Галчиньским театр был назван им Zielona Geś — букв. ‘Зелёная гусыня’. Сам себя Галчиньский в одном из стихотворений неоднократно называет zielony Konstatnty ‘зелёный Константин’, свою супругу — zielona Natalia ‘зелёная Наталья’. Переводчиком его поэзии — Давидом Самойловым эта склонность к зелёному цвету отмечается как индивидуальная черта его поэтического почерка. Однако есть основания полагать, что привязанность К. Галчиньского к зелёному цвету — это не прихоть мастера слова, но проявление любви к нему польского народа, в том числе и Галчиньского как сына его (см. подробнее: (Кульпина, 2001; Кульпина, 2008: 122–124)).

Столь же необычно для польских переводчиков русской поэзии выглядит обилие *синего/голубого цвета* у поэтов, пишущих на русском языке, например, у Сергея Есенина как следствие приверженности поэта любимому цвету русского народа (его этноцвету). Может, наверное, подуматься — как же не любить синий/голубой цвет, это же так естественно под любыми широтами. Однако у других

народов цветковые приоритеты нередко иные. Стремясь привести цветовосприятие поэтики Сергея Есенина в соответствие с цветовой картиной мира носителя польского языка, польские поэты-переводчики нередко опускают *термин голубого/синего цвета* там, где его употребление ощущалось бы их соотечественниками как чрезмерное и неадекватное (см.: (Кульпина 2008: 101–140)) или дополнительно эстетизируют текст (Кульпина, 2015: 370–377) за счёт эстетически маркированных замен голубому/синему цвету. В цветовой картине мира Есенина есть *синее счастье* (в других языках такого счастья нет), *голубой день*, *синий вечер*, *синяя ночь*. Переводчик его поэзии встаёт перед непростой задачей увязать цветовосприятие, в силу языковой традиции закрепившееся в польском языке (как языке перевода), с таковым в русской лингвокультуре и выраженном в есенинском оригинале. Очевидно, что у многих художников слова можно встретить «нестандартные» с точки зрения носителя другого языка цветоупотребления. Так, у Велимира Хлебникова фраза «Будет небо голубó!» (СЯРП, II: 131) означает надежду на хорошее, и эти особые смыслы выражены с помощью голубого цвета. Олег Газманов поёт: «Мне хочется белого снега, морозного синего дня...». Хорошее, красивое нашло у Газманова воплощение в *синем дне*.

Особенно много свидетельств любви к этноцвету в поэзии, однако этносклонности проявляются и в предпочтениях вещных, в предпочтительности артефактов такого цвета. Когда по телевидению демонстрируют польский сейм, можно наблюдать цвета его интерьера с различными оттенками зелёного цвета. Мужчины в России не склонны носить галстуки зелёного цвета, а у польских мужчин такой цвет галстука вполне в ходу. Вполне материальными проявлениями этноцвета можно считать сиденья в Государственном Кремлёвском дворце эталонного василькового цвета, заставки на телевидении, например, на канала Россия, синего/голубого цвета. А галстуки мужчины у нас в стране любят синие, с синими полосками, пиджаки и костюмы — тоже синие или серо-голубые. Могло бы показаться, что так и у всех других народов, но это не так.

И таким образом, существует *этноприоритетный цвет* — сокращенно *этноцвет*, самый любимый данным этносом, и при этом доставляющий проблемы переводчикам. Этноцвет не следует путать с *национальными цветами* — то есть с *государственной символикой*. Это совсем другой пласт приоритетов, находящийся проявления прежде всего в общественной жизни страны, государства. Каждый переводчик владеет знанием этой символики, и ни-

когда не перепутает сочетание полос на флажке, стоящем на месте, предназначенном для его делегации.

Наряду с каким-то самым любимым (этноприоритетным) для данного этноса цветом (этноцветом), в каждом языке есть и ряд других цветов, составляющих этноцветовую гамму данной лингвокультуры, на что в своё время обратили внимание Б. Берлин и П. Кей в своей известной книге «Основные цветообозначения. Их универсальность и эволюция» (Berlin, Kay, 1969). Эти авторы предприняли попытку определить, каковы они, эти основные, базовые цвета. Исследовательская практика показывает, что их количество и состав разнятся от языка к языку, но по количеству как базовый костяк могут быть выделены 10–11 цветов. Поскольку цвета эти для разных языков не идентичны, а их «спектральные границы» не совпадают, то и в этой группе цветообозначений — так наз. **этно-релевантных цветов** (Кульпина, 2001) возникают проблемы с их осмыслением и переложением на другой язык.

Среди цветовых предпочтений каждой лингвокультуры отдельного внимания — в силу своей эвентуальной непонятности и переводческих трудностей, требуют к себе **этноспецифические цветообозначения**, встречающиеся только в данном языке и начисто отсутствующие в концептосфере языка сопоставления. Таковы, например, цвета польского языка *wrzosowy* ‘вересковый’ и *amarantowy* ‘амарантовый’ (‘тёмно-розовый’), *piwny*: «о глазах, их цвете, карие с жёлтым оттенком, таком как пиво» (USJP 3: 157); цвета **рябиновый, сиреневый, брусничный, малиновый** русского языка.

Этноспецифические цветообозначения, относящиеся к группе безэквивалентной цветолексики, отсутствующей в языке перевода, вызывают особые проблемы с их транспозицией в язык транслята.

Установление их цветовых значимостей и семантических пределов само по себе, без активных поисков переводного эквивалента, необязательно обеспечит адекватность перевода. На буквальный перевод тем более не стоит полагаться. Так, если польские *sarnie oczy* — букв. ‘глаза серны’ мы так и переведём — с сохранением внутренней формы, то в полученном тексте перевода может произойти определённая деформация смысла, ведущая к утрате достоверности транслята, так как в оригинале имеются в виду не глаза животного, а размер и цвет глаз человека: «большие карие глаза» (USJP 3: 1227).

Проблема с переводом этноспецифических цветов нередко может быть решена путём отхода от внутренней формы такого типа цветообозначений, базирующихся на эталоне-стереотипе какого-то цвета (*рябина, брусника*), и подстановки похожих по цветово-

му наполнению эстетически маркированных цветообозначений, к примеру, на линии *малиновый* — *амарантовый*. Характеристика цвета может быть дана в описательном плане: w kolorze jarzębiny ‘цвета рябины’ или через сравнение: w takim kolorze, jaki ma jarzębina ‘такого цвета, как у рябины’.

Стилистические проблемы перевода нередко бывают связаны с непереложимостью ряда цветолексем на другие языки в аналогичной оригиналу стилистике. Такие проблемы возникают в силу неодинакового места, занимаемого этими лексемами в системах языков оригинала и перевода. На фоне этноязыковых предпочтений возникает необходимость обозначить *стилистическую не-нейтральность* этноприоритетных и этнорелевантных цветообозначений. Так, *термины синего/голубого цвета* в русском языке художественной литературы, особенно поэзии, стилистически не нейтральны, выполняя фактически функцию эпитета. См. эти проявления не-нейтрального, особенного в названиях стихотворений у Сергея Есенина: «Голубая кофта, Синие глаза»; «Вечером синим, вечером лунным», «Синий туман, снеговое раздолье». В последнем названии его этническое звучание и особая стилистика подчёркиваются ещё и словом *раздолье*. Такого рода лексемы с пространственной семантикой типа *ширь, даль, простор, раздолье* и др. под. в русском языке являются характерной частью картины мира русского языка и картины свободы, вызывая ощущения несквозности, нестеснённости (Шмелев, 2005: 60–63; Шмелев, Левонтина, 2005: 65–67). Ощущение не-нейтральности *синего/голубого терминов цвета*, наличия в их интенционале поэтико-романтической и эстетической информации, у польских переводчиков явно возникает и находит в переводе нетривиальные решения.

Особым проявлением этноцветовых предпочтений являются порождаемые окружающей действительностью *новые термины цвета*, формирование которых протекает в каждом языке «своими путями» (см., например, формирование в русском языке терминов *цвет хурмы* (Сивова, 2003: 99–102)) и *цвет цикория* (Сивова, 2022: 471–481), не имеющих аналогов в польском языке. Они требуют тщательного анализа по выявлению цветовой значимости и старательных поисков адекватного эквивалента.

Хотя благоприятнейшей почвой бытования этноцвета является художественный текст, и прежде всего — поэтический, тем не менее, его проявлений немало в разговорной речи, в публицистических, рекламных и другого типа текстах, способных послужить в том числе формированию новых терминов цвета.

Выражение в процессах перевода феномена этноцвета: этно-приоритетных и этнорелевантных цветообозначений, а также этноспецифических цветообозначений, относится к непростым проблемам перевода и требует от переводчика особого переводческого чутья, понимания особого места этих лексем в картине мира переводящего языка.

4. Решение проблем перевода терминов цвета через инструментарий лингвистики цвета

Лингвистическая колориметрия позволяет на критериальной основе выявлять особые с точки зрения перевода типы цветообозначений и обозначать алгоритмы их перевода. Среди методик лингвистической колориметрии по выявлению цветовых предпочтений важное место занимает сопоставительная методика, внутри- и межъязыковая.

Критерии определения этноцвета были выработаны на материале русской и польской лингвокультур (см. (Кульпина, 2001; Кульпина, 2018: 304)), однако они достаточно универсальны для тех языков, в которых вообще имеет место цветообозначение. Главный критерий, вокруг которого осциллирует масса других — это широта распространения (включая частотность употребления) этноцвета, воспринимаемая носителями иных лингвокультур как чрезмерная в силу охвата данным термином цвета сущностей, которые в других языках могут не быть цветом обозначены, то есть не подлежать цветообозначению. Под широтой распространения этноцвета имеется в виду в том числе его использование в самых разных сферах коммуникации и в неожиданных для представителей других лингвокультур функциях и ракурсах (см.: *голубые города*, *синие ночи* в русском языке, *zielone pose* ‘зелёные ночи’, *zielone morze* ‘зелёное море’ в польском языке), охват абстрактных сущностей (*голубая мечта*), а также использование для цветообозначения родины (*голубая Русь* у Сергея Есенина); *zielona ojczyzna* ‘зелёная родина’ (о Польше у Киприана Норвида); активное формирование неологизмов (*круглосинья вода* у Велимира Хлебникова) и ономастических структур (*Синегорск* (город), *Синьково*, (деревня в Подмосковье), *синеглазка* (сорт картофеля), *Zielona Góra* ‘Зелёна-Гура’, *Zielone Świątki* (букв. ‘Зелёные праздники’) праздник Троицы.

При переводе цветообозначений вопросы множатся, в том числе потому, что «границы» цветов в разных языках, этот как бы закрашиваемый» каждой цветолексемой (пусть даже практически

идентичной по внутренней форме) сегмент цветового спектра, не совпадают по языкам. Эти несовпадения границ могут быть продемонстрированы на примере польского термина цвета *fioletowy* ‘фиолетовый’,

В толковых словарях польского языка представлена обширная экзemplификация употребления этого цветообозначения в характерной атрибутивной функции, демонстрирующая широту его семантического диапазона: “Polana była pełna fioletowych wrzosów. Był fioletowy ze złości. Fioletowe niebo” (USJP 1: 910) ‘Поляна была полна фиолетового вереска. Был фиолетовым от злости. Фиолетовое небо’. Для данного термина цвета в польском языке характерны разные частеречные реализации: “Macierzanka kwitnie fioletowo” (USJP 1: 910) ‘Чабрец цветёт фиолетово’; “niebo fioletowiało” (SWJP: 254). ‘небо *фиолетовело’) ‘небо лиловело’².

Лингвистическая колориметрия, накопившая опыт анализа разных типов межъязыковых лингвоцветовых расхождений, помогает выявить такие несовпадения в *широте охвата цветового сегмента* спектра. Примером таких несовпадений «цветового зрения» россиян и поляков может послужить текст польской песни «Fioletowe groszki do sukienki» ‘Фиолетовый душистый горошек к платью’ на слова Станислава Вернера и музыку Антония Шалиньского (Bednarowicz, Werner: 373–375). Текст песни показателен для обсуждаемой тематики; поэтому для наглядности он будет сопровождаться буквальным переводом термина цвета *fioletowy* как ‘фиолетовый’.

Уже со второй строчки у русскоязычного читателя может возникнуть ощущение диссонанса при словосочетании *fioletowych oczu twoich cień*, ‘фиолетовых глаз твоих тень’. Ведь в русском языке *фиолетовых глаз* не бывает, в том числе в поэтическом дискурсе, а распространённым, эмоционально окрашенным, устойчивым эпитетом, комплиментом для глаз являются *синие глаза* (или *чёрные глаза*). Сочетание *фиолетовые глаза* в ареале русского языка выглядит *крайне необычно* даже для привыкшего к поэтическим вольностям читателя. В то же время примеры из Национального корпуса польского языка (НКЯ) говорят о том, что такой цвет глаз

² Перевод *fioletowiało* как ‘лиловело’ не нарушает сочетаемости русского языка (в котором нет лексемы **фиолетоветь*) и не вызывает ощущения диссонанса — благодаря замене глагольной цветолексемы польского языка русской лексемой с несколько иной цветовой значимостью, но также цветовой. Такого типа замены, произведённые с целью ‘встраивания» цветолексемы оригинала в язык перевода, неизбежны.

пребывает в пределах польской лингвокультурной нормы. См.: (1) «W oczach czarodziejki zapłonął fioletowy ogień» ‘В глазах волшебницы запылал фиолетовый огонь’ (из художественного текста);

Как явствует из примеров выше, цветоопределение глаз как *fioletowe* ‘фиолетовые’ в польском языке не неологично, а вполне помещается в пределах лингвокультурной нормы, и звучит оно для польского уха, в том числе и в нижеприведённом тексте, вполне естественно. См. далее выделенные полужирным курсивом «нестандартные» для носителя русского языка употребления термина фиолетового цвета.

Nie chcesz róż od lotnika? ‘Не хочешь роз от лётчика?’

Zgoda! ‘Ладно!’ (...).

Nie przyjęłaś storczyka? ‘Ты не приняла от меня орхидею?’

Szkoda. ‘Жаль’.

Ale to musisz przyjąć ode mnie. ‘Но это ты должна принять от меня’.

Fioletowe groszki do sukienki, ‘Фиолетовый душистый горошек к платью’,

fioletowych oczu twoich cień, ‘*фиолетовых глаз* твоих тень’.

dla kapryśnej *fioletowej pani* ‘для капризной *фиолетовой барышни*’

fioletowy aż do zmierzchu dzień ‘*фиолетовый до самых сумерек день*’.

Fioletową taksówką z postoju ‘На фиолетовом такси со стоянки’

do kawiarni cię wezmę na krem. ‘в кафе заберу тебя на кремовый десерт’.

Fioletowo, znaczy to: we dwoje, ‘*Фиолетово*, это значит: вдвоём’,

bardziej razem niż słońce z dniem. ‘больше вместе, чем солнце с днём’.

Как вытекает из текста песни, внешность человека (весь человек) может характеризоваться в польском языке через термин фиолетового цвета, см.: «*fioletowa pani*» ‘*фиолетовая барышня*’. Такая возможность подтверждается и примерами из «Национального корпуса польского языка» (НКЯ): “Aż pewnego dnia poprosiłem o lustro i nie poznałem siebie. Byłem fioletowy jak śliwka...” (из публицистического текста) ‘И вот как-то раз я попросил зеркало и не узнал себя. Я был фиолетовый как слива’. В русском языке для характеристики внешности человека, перенёсшего болезнь (видимо, о такой ситуации идёт речь в примере из польского корпуса) практически наверняка не был бы употреблён термин фиолетового цвета, но, возможно, вид человека охарактеризовали бы с помощью цветообозначений *бледный* или *зелёный*. Примечательно, что в тексте польской песни термин фиолетового цвета служит показателем прекрасного внешнего вида девушки, а в примере из публицистики, напротив, нездорового вида. Такая экземплификация позволяет сделать вывод, что амплитуда употребления термина фиолетового

цвета в польском языке весьма широка, вплоть до характеристик сущностей-антиподов.

В русском языке ни для характеристики здорового внешнего вида, ни нездорового фиолетовый цвет не применяется. Отсюда задача переводчика осуществить перевод на русский язык в пределах цветовой нормы русского языка, чтобы избежать излишней — непонятной и ненормативной — экзотизации переводного текста.

Стоит обратить также внимание, что термин фиолетового цвета в приведённом выше тексте песни употреблён для обозначения времени суток — *дня*, см.: *fiioletowy aż do zmierzchu dzień* ‘*фиолетовый* вплоть до сумерек *день*’. Вместе с тем польский корпус (НКЯ) демонстрирует возможности употребления этого термина для обозначения другого времени суток — сумерек. См.: “*Odłożył słuchawkę. Była za kwadrans ósma, na dworze gęstniał fiioletowy mrok*” ‘Он положил трубку. Было без четверти восемь, за окном густели *фиолетовые сумерки*’.

И таким образом, в польском языке термином фиолетового цвета могут быть обозначены как день, так и сумерки. В русском языке для обозначения времени суток термин фиолетового цвета не применяется. Как средство образной номинации времени суток в русском языке может выступать термин синего цвета. Примечательно, что, выступая в аналогичной функции, он не менее «растяжим» и диффузен, как и польский *fiioletowy*, и может обозначать как день, так и вечер и ночь. В свете этой растяжимости и диффузности — как же всё-таки перевести сочетание *fiioletowy dzień* ‘фиолетовый день’ на русский язык? Если, к примеру, дать этому польскому сочетанию эквиваленты *розовый*, *голубой* или *синий день*, то такие сочетания русского языка не вызовут эффекта отторжения и будут звучать вполне достоверно — несмотря на преобразование концептологической сущности термина фиолетового цвета. О преобразовании концептов в переводе (в данном случае, цветовых) и о категории достоверности как исключительно значимой транслятологически см.: «Концепты, родившиеся в одной языковой культуре, в результате их перевода в другую культуру преобразуются. Именно достоверность определяет степень соответствия представлений о некоем явлении в оригинале и в переводе» (Гарбовский, 2018: 39).

На основании представленной широкой экземплификации может быть сделан вывод, что цветообозначение *fiioletowy* в польском языке широкозначно и чрезвычайно романтично. Его русский коррелят *фиолетовый* не имеет таких коннотаций. Характерно, что

в лексикографии русского языка словарные статьи на это цветообозначение не назовёшь обширными (СО, БТС, МАС). Более того, в «Большом универсальном словаре русского языка» (БУС) такое цветообозначение отсутствует как таковое. Очевидно также, что с точки зрения носителя русского языка польские цветообозначения *fioletowy* диффузно, функционально «заходит» на те сферы, которые в русском языке покрываются терминами цвета *розовый, лиловый, голубой, синий, фиолетовый*.

Таким образом, на примере лексемы *fioletowy* польского языка можно наблюдать широкий зазор вариативности в её переводе на русский язык, что в целом подтверждает вариативность как имманентное свойство перевода, о чём пишет Р. Левицки: «Исходя из отрицания трактовки переводческой деятельности как поиска идеального перевода, каждый перевод признаётся иноязычным вариантом оригинала. (...). Отсюда вариативность есть присущее переводу свойство, состоящее в реальном или потенциальном существовании разных переводов одного и того же оригинала на данный язык» (Lewicki, 2017: 352). Определённое поле вариативности связано с особенностями переводческой деятельности как таковой, которую К.С. Карданова-Бирюкова рассматривает как «слабоалгоритмизируемый процесс» (Карданова-Бирюкова, 2015: 243), отсюда переводчику отводится роль центрального звена переводческой деятельности, «поскольку именно от его решений зависит то, каким будет конечный продукт перевода» (Там же: 244).

5. Заключение

Перевод цветообозначений чреват рядом проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации. Среди таковых значимым является несовпадение границ цветообозначений по языкам, когда цветообозначением охватывается неодинаковый сегмент спектра. При этом характерно, что не совпадают с таковыми в русском языке могут цветовые границы любого иноязычного термина цвета, в том числе термина-интернационализма. Такой тип межъязыковой асимметрии наблюдается в том числе у коррелирующих основных цветообозначений (как это имеет место при переводе цветообозначения *fioletowy* польского языка, аналогичного русскому по фонетико-фонологическому составу и внутренней форме). Поэтому для обеспечения адекватного, достоверного, перевода важно определить, какой сегмент спектра термин цвета охватывает с точки зрения носителя русского языка, каковы пределы его цветового варьирования.

Особенное, нестереотипное в цветовосприятии другого народа, в данном случае близкородственного, имеет множество проявлений. Лингвистика цвета помогает пролить свет на причины и истоки содержащихся в тексте оригинала нестереотипных с точки зрения носителя целевого языка моментов, осознать их значимость и найти пути устранения диссонансов в цветовосприятии разных лингвокультур.

Инструментарий лингвистики цвета, сконцентрированный в рамках методик лингвистической колориметрии, позволяет установить место термина цвета в системе данного языка и его языковой картине мира. Среди таких методик прочное место занимает сопоставительная методика и выработанные в лингвистике цвета критерии, благодаря которым удаётся выявить цветовые этноязыковые предпочтения (этноприоритеты) анализируемых лингвокультур. Понимание и осмысление особого статуса цветолексем переводимого оригинала позволяет найти коррелирующую по смыслу лексему в целевом языке и тем самым (путём устранения моментов диссонанса и непонимания, нередко через имплантацию элементов дополнительной эстетизации) переведённый текст преобразуется в доступный и достоверный.

Адекватность и достоверность перевода цветообозначений являются равнодействующей системологического подхода к устройству цвета в языках оригинала и перевода с учётом всей совокупности ресурсных данных о единице перевода, при этом информированность переливается в опыт и интуицию переводчика, его вкус, такт, чувство меры и пропорций. Таковы направления мысли о цвете и его отражении в переводных текстах.

Список литературы

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. и сост. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Гарбовский Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.

Гарбовский Н. К. Перевод: *cognitio* и *communicatio* в эпоху «больших данных» // Когнитивные исследования языка / Ред. серии Н.Н. Болдырев. Вып. XXXIV. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 года; Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 37–40.

Карданова-Бирюкова К.С. Глава 5. Принципы конструирования деятельностиной модели перевода (аутопоэтический подход) // Сулейманова

О.А., Карданова-Бирюкова К.С., Лягушкина Н.В., Беклемешева Н.Н., Трухановская Н.С. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: Комплексный анализ переводческого процесса. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 208–248.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Кульпина В.Г. Проблемы и закономерности перевода этноприоритетных классов лексики (русско-польская традиция) // Ментальность. Коммуникация. Перевод: Сб. статей памяти Федора Михайловича Березина (1931–2003) / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исследований; Отд. языкознания; Отв. ред. и сост. Раренко М.Б. М., 2008. 280 с. (Серия: Теория и история языкознания). С. 104–140.

Кульпина В.Г. Приём эстетизации терминов цвета при переводе поэтических текстов // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы Международной научной конференции. Салоники, 29 апреля — 3 мая 2015 г. / Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова (электронное издание). М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 370–377.

Кульпина В.Г. Значение лингвистики цвета в экспликации когнитивных механизмов этноменталитета // Когнитивные исследования языка / Ред. серии Н.Н. Болдырев. Вып. XXXIV. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2018 года; Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 301–304.

Кульпина В.Г., Сивова Т.В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 64. М.: МА КС Пресс, 2023. С. 26–54.

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 64–75. (Язык. Семиотика. Культура).

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Сивова Т.В. Цвет хурмы в концептосфере русского языка: от оранжево-красного к вкусному цвету переспелой хурмы // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Науч. ред. Г.Г. Молчанова. М.: КДУ, 2003. С. 99–102.

Сивова Т.В. Цвет цикория в цветовой концептосфере языка: от голубого и коричневого к цвету цикория // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 471–481.

СО — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987. 797 с.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М.: ЯС К, 2001–2015. Т. I–VI. (*Studia philologica*).

Шмелев А.Д. Широга русской души // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 51–63. (Язык. Семиотика. Культура).

- Berlin B., Kay P.* (1969) Basic color terms. Their universality and evolution. Berkeley — Los Angeles: California University Press. 178 p.
- Bogusławski A.* (2013) Podstawy konfrontatywnej lingwistyki przekładowej. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM. 287 p.
- ISJP — Inny słownik języka polskiego PWN (2000) V 2 vol. Red. nac. Mirosław Bańko. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN.
- Lewicki R.* (2017) Zagadnienia lingwistyki przekładu. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 362 p.
- NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego; режим доступа: 09.06.2023.
- USJP — Uniwersalny słownik języka polskiego (2003) V 4 vol. Pod red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Werner S.* (1965) Fioletowe groszki do sukienki. Żołnierska rzecz. Zbiór pieśni wojskowych. Wybór i opracowanie Jędrzej Bednarowicz, Stanisław Werner. Warszawa, (444 p.), pp. 373–375.
- Wierzbicka A.* (1999) Znaczenie nazw kolorów i uniwersalia widzenia. Wierzbicka A. Język — umysł — kultura. Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, pp. 405–448.

References

- Berlin B., Kay P.* (1969) Basic color terms. Their universality and evolution. Berkeley — Los Angeles: California University Press. 178 p.
- Bogusławski A.* (2013) Podstawy konfrontatywnej lingwistyki przekładowej. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM. 287 p. (In Polish).
- BTS Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (1998) = Large explanatory dictionary. Gl. red. i sost. S.A. Kuznecov. Sankt Petersburg: Norint. 1536 p. (In Russian).
- Garbovskij N.K.* (2015) Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy = Systemological model of translation science. Transdisciplinarity & the system of scientific knowledge. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 1, pp. 3–20. (In Russian).
- Garbovskij N.K.* (2018) Perevod: cognitio i communicatio v epohu "bol'shikh dannyh". Kognitivnye issledovaniya yazyka. Red. serii N.N. Boldyrev. Issue XXXIV. Cognitio i communicatio v sovremennom global'nom mire: materialy VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 10–12 oktyabrya 2018 goda. Otv. red. vypuska L.A. Manerko. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova: Neolit, pp. 37–40. (In Russian).
- ISJP — Inny słownik języka polskiego PWN: v 2 vol. (2000) Red. nac. Mirosław Bańko. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN. (In Polish).
- Kardanova-Biryukova K.S.* (2015) Glava 5. Principy konstruirovaniya deyatel'noj modeli perevoda (autopoeticheskij podhod) = The principles of construction of active model of translation (autopoetic approach). Sulejmanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S., Lyagushkina N.V., Beklemesheva N.N. Truhanovskaya N.S. Lingvisticheskie teorii v interpretacii perevodcheskih strategij: Kompleksnyj analiz perevodcheskogo processa. Moscow: LENAND, pp. 208–248. (In Russian).

Kul'pina V.G. (2001) *Lingvistika cveta: terminy cveta v pol'skom i ruskom yazykah* = Linguistics of color: terms of color in Polish and in Russian. Moscow: Moskovskij Licej. 470 p. (In Russian).

Kul'pina V.G. (2008) *Problemy i zakonmernosti perevoda etnoprioritetnyh klassov leksiki (rusško-pol'skaya tradiciya)* = The problems and principles of translation of ethnically meaningful lexical classes (Russian-Polish tradition). *Mental'nost'. Kommunikaciya*. Perevod: Sb. statej pamyati Fedora Mihajloviča Berezina (1931–2003). RAN. INION. Centr gumanit. Nauch.-inform. issledovanij; Otd. yazykoznaniya; Otv. red. i sost. Rarenko M.B. Moscow. 280 p. (Seriya: Teoriya i istoriya yazykoznaniya), pp. 104–140. (In Russian).

Kul'pina V.G. (2015) *Priem aesthetizacii terminov cveta pri perevode poetičeskikh tekstov* = The method of terms of color aesthetic values giving in the poetic texts' translation. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saloniki, April 29 — May 3, 2015. Vysshaya shkola perevoda MGU imeni M.V. Lomonosova (elektronnoe izdanie)*. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 370–377 (In Russian).

Kul'pina V.G. (2018) *Znachenie lingvistiki cveta v eksplikacii kognitivnyh mekhanizmov etnomentaliteta* = The value of linguistics of color in explication of mechanisms of ethnic mentality. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Red. series N.N. Boldyrev. Issue XXXIV. *Sognitio i communicatio v sovremennom global'nom mire: materialy VIII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 10–12 October 2018*. Otv. red. vypuska L.A. Manerko. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova; Neolit, pp. 301–304 (In Russian).

Kul'pina V.G., Sivova T.V. (2023) *Ob izdatel'skom proekte "Lingvistika cveta: enciklopedičeskij slovar'"* = About publishing project "Linguistics of color encyclopedia". *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Issue 64. Moscow: MAKS Press, pp. 26–54 (In Russian).

Levontina I.B., Shmelev A.D. (2005) *Rodnye prostory* = Native open spaces. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira: Sb. st. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury*, pp. 64–75. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (In Russian).

Lewicki R. (2017) *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 362 p. (In Polish).

MAS Slovar' russkogo yazyka: V 4 vol. (1984) = The dictionary of Russian language. Pod redakciej A.P. Evgen'evoj. Moscow: Russkij yazyk. 1981–1984 (In Russian).

NKJP Narodowy Korpus Języka Polskiego (2023); rezhim dostupa: 09.06. (In Polish)

Sivova T.V. (2023) *Cvet hurmy v konceptosfere russkogo yazyka: ot oranževo-krasnogo k vkusnomu cvetu perezreloj hurmy* = The color of persimmon in the colour conceptosphere of the Russian language: from orange-red to the delicious colour of overripe persimmons. *Yazyk. Kul'tura*. Perevod. Kommunikaciya: Sb. nauch. Trudov, issue 4. Nauch. red. G.G. Molchanova. Moscow: KDU, pp. 99–102 (In Russian)

Sivova T.V. (2022) *Cvet cikoriya v cvetovoj konceptosfere yazyka: ot golubogo i korichnevo go k cvetu cikoriya* = The colour of chicory in coloristic concep-

tual sphere of language: from blue and brown to colour of chicory. *Neofilologiya*. Vol. 8. No. 3, pp. 471–481 (In Russian).

SO Ozhegov S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* = The dictionary of Russian language. Pod red. N.Yu. Shvedovoj. Izd. 18-e, stereotip. Moscow: Russkij yazyk. 797 p. (In Russian).

SYaRP *Slovar' yazyka russkoj poezii XX veka (2001–2015)* = The dictionary of Russian poetry of XX century. Otv. red. V.P. Grigor'ev, L.L. Shestakova. Moscow: YaSK. Vol. I–VI. (*Studia philologica*) (In Russian).

Shmelev A.D. (2005) *Shirota russkoj dushi* = Breadth of Russian soul. *Klyuchevye idei russkoj yazykoj kartiny mira*: Sb. st. Moscow: *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, pp. 51–63 (*Yazyk. Semiotika. Kul'tura*) (In Russian).

USJP *Uniwersalny słownik języka polskiego: v 4 vol.* (2003) Pod red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish).

Werner S. (1965). *Fioletowe groszki do sukienki. Żołnierska rzecz. Zbiór pieśni wojskowych. Wybór i opracowanie Jędrzej Bednarowicz, Stanisław Werner.* Warszawa. (444 p.), pp. 373–375 (In Polish).

Wierzbicka A. (1999) *Znaczenie nazw kolorów i uniwersalia widzenia.* Wierzbicka A. *Język — umysł — kultura.* Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, pp. 405–448 (In Polish).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кульпина Валентина Григорьевна — доктор филологических наук, доцент по кафедре славянских языков МГУ имени М.В. Ломоносова, МГУ, ГСП-2. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; vgrkulpina@mail.ru; ORCID 0000-0002-1076-7868

ABOUT THE AUTHOR:

Valentina G. Kulpina — Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Chair of Slavic languages, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Moscow State University, GSP-2. Lomonosov Moscow State University; 1. Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; vgrkulpina@mail.ru; ORCID 0000-0002-1076-7868

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.